

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ КУПЕЧЕСТВА
УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹**

Определяющими координатами «картины мира» уездного купечества Вятской губернии XIX — начала XX в. были: семья и брак, приемы воспитания детей и уровень образования, отношение к богатству и ценностные ориентиры в предпринимательстве, религиозное сознание и социальные навыки мышления, культура повседневности и стереотипы поведения, организация досуга и развлечения. Анализ приемов проведения праздников и организации досуга, с одной стороны, отражает характерные социально-психологические черты сословной группы, с другой — позволяет выявить точки соприкосновения менталитета различных сословий.

Ключевые слова: уездное купечество, повседневность, быт и нравы, менталитет, Вятская губерния.

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № П 319 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

**ORGANIZATION OF THE MERCHANTS' LEISURE AND ENTERTAINMENT
IN THE DISTRICT TOWNS OF VYATKA PROVINCE
IN THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The principal points of «world picture» of merchants in the district towns of Vyatka province in the XIXth — the beginning of the XXth century were the following: family and marriage, methods of upbringing the children and levels of education, attitude to wealth, religiousness and social skills of reasoning, everyday culture and stereotypes of behaviour, organization of leisure and entertainment. The analysis of how the merchants spent their holidays and organized their leisure reflects the typical social and psychological features of this social group and allows to identify common points in the mentality of different social classes.

Keywords: district merchantry, everyday life, mode of life, customs, mentality, Vyatka Province.

Словно создавая облик давно ушедшей цивилизации, современным историкам приходится по кусочкам собирать образ российского купца-предпринимателя XIX в. Купечество — социальная группа, фокусировавшая в себе культурные изменения эпох нового и новейшего времени, поэтому важно изучать ее с разных ракурсов, акцентируя внимание не только на торгово-промышленной деятельности, но и на проблемах менталитета «третьего сословия». К тому же, важным моментом является введение историко-краеведческого материала в культурологический контекст.

В. П. Бойко определяет менталитет как характеристику человеческой общности, «которая определяет весь строй мышления человека, в эту общность включенного, и опирается, в свою очередь, на основные положения социальной психологии, на образ жизни, традиции и обычаи этой общности» [2, с. 339].

На наш взгляд, наиболее полное и последовательное концептуальное изучение понятия менталитета предприняли представители французской школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр [1].

Представитель отечественной школы «новой исторической науки», специализирующейся на изучении менталитета, А. Я. Гуревич считает, что ключевым в концепции ментальной истории является

понятие «картина мира». Картина мира — это продукт культуры в антропологическом смысле этого понятия. Каждый человек как принадлежащий к данному обществу не мог не разделять определенного взгляда на мир и не усвоить ту сетку координат, которая заложена в человеческое сознание [10, с. 26].

Определяя координаты «картины мира» для уездного купечества Вятской губернии XIX — начала XX в., мы остановились на следующих показателях: семья и брак, приемы воспитания детей и уровень образования, ценностные ориентиры в предпринимательстве, религиозное сознание и социальные навыки мышления, культура повседневности и стереотипы поведения, общественная и благотворительная деятельность, организация досуга и развлечения. Каждая из названных координат определяет направление исследования отдельной черты социально-психологического мира уездного купечества, а в совокупности — позволит выявить целостную картину купеческого менталитета.

Названные характеристики нередко становились предметом изучения отдельных отраслей знаний: социологии, педагогики, культурологии. Исключение, пожалуй, составляет проблема изучения форм и приемов организации досуга и развлечений отдельных сословий, которая рассматривает-

ся исследователями поверхностно либо как дополнительный штрих при изучении культуры в тот или иной хронологический период. Вместе с тем анализ приемов проведения праздников и организации досуга, с одной стороны, отражает характерные социально-психологические черты сословной группы, с другой стороны, позволяет выявить точки соприкосновения менталитета различных сословий.

Яркие примеры организации досуга и развлечений мы находим в истории уездного купечества Вятской губернии XIX — начала XX в.

Большую роль в быту купеческой семьи играло участие в религиозных обрядах: посещение церкви, прием священника, который совершал обход прихода до четырех раз в год, крестные ходы. «В нравственном отношении вятчане считаются честнее жителей фабричных губерний... Население вятского края щедро на пожертвования и какое-нибудь доброе дело. И отличается набожностью и благочестием, которое выражается в строгом соблюдении постов, сред, пятниц и даже часто понедельников, а также в оделении нищих милостынею. Набожность народа вятского края может служить образцом для других губерний: нигде нет таких богатых церквей, в них — украшений; крестные ходы совершаются во многих местах губернии по нескольку раз в год...» [13, с. 35–36].

Каждое воскресенье купцы с семьями ходили к заутрене, обедне или вечерне. Эту сторону жизни купечества описал сын елабужского первой гильдии купца Д. И. Стахеев: «Приказчики задвигают железные запоры хозяйских лавок и, исполняя хозяйское приказание, тоже тянутся толпами в церковь. Вот и купцы с семьями подъехали на пыхтящих лошадях к церковной паперти и одевают грошиками нищую братию. Духовенство всем собором служит вечерню, потом читает акафист Спасителю с коленопреклонением. Служба вообще торжественна. За-

жженные свечи отражаются в ризах икон, в алтаре виден серебряный блестящий престол» [34, с. 381].

Обязательным атрибутом каждого купеческого дома был «красный угол», уставленный многочисленными иконами. Не совершив молитву, купцы не начинали никакого дела. С икон начинался перечень имущества, передаваемого по духовному завещанию. Текст завещания начинался обращением к Богу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» [28, л. 3–4]. Даже в описи имущества парохода «Пион», принадлежащего торговому дому «Иван Григорьевич Стахеев», значились две иконы [21, л. 9].

Уездные купцы часто избирались в церковные старосты. Например, купец второй гильдии А. К. Стахеев с 1896 г. исполнял обязанности церковного старосты в Пантелеймоновской домово́й церкви при богадельне г. Елабуги. Г. В. Стахеев являлся церковным старостой церкви Александрийского детского приюта [22, л. 96, 123]. Купец 1-й гильдии Н. В. Смагин в течение восьми лет служил церковным старостой Покровской церкви г. Сарапула [18, с. 294]. Показательным для отношения представителей третьего сословия к церкви является практика приема причта в купеческих домах в дни важнейших религиозных праздников.

Самым популярным временем проведения развлекательных мероприятий и торжеств были дни религиозных праздников: Рождество, Пасха и др. После того как до мельчайших деталей были соблюдены все религиозные обряды, наступала пора празднеств. На Святочной неделе проводились балы-маскарады с ряжеными, организовывались народные гуляния. Неотъемлемой частью Святков были гадания, устраиваемые молодыми девушками. На страницах газеты «Вятский край» сообщалось: «Елабуга. Святки. 29 декабря состоялся бал-маскарад... Завсегдатаи общественного собрания все налицо» [6].

В Пасху было принято наносить визиты друг другу. Нередко индивидуальные посещения заменялись проведением коллективного праздника в клубе или купеческом собрании. В 1897 г. горожане г. Котельнич в первый день Пасхи в 12 часов собрались в клубе. На торжество съехалось более 80 человек мужчин и дам. Подобные мероприятия особым образом объединяли представителей различных сословий. «Здесь совсем стушевались чины и звания, а явились лишь граждане, проникнутые одним желанием по-людски встретить праздник» [3]. По подписке были собраны средства для разговенья, остатки от которого были розданы бедным. Нередко на подобных мероприятиях инициировались разного рода благотворительные проекты. В данном случае председатель земской управы Кошурников предложил учредить в Котельниче благотворительное общество для содержания дома трудолюбия [3].

Религиозные праздники нередко заканчивались поступками, чуждыми идее «христианского смирения». Корреспондент «Вятского края» из Сарапула в январе 1897 г. описал подобный инцидент: «Местного 1-й гильдии купца перед Рождеством сильно побили в "благородном собрании" за то, что, играя в карты и проиграв несколько сот рублей, он шутя выразил своему партнеру сомнение начет правильности его игры, за что последний, защищая свою честь, ударил его так сильно, что тот слетел с ног с окровавленным лицом» [4].

Купеческие развлечения XIX в. имели народные корни. Часто это были молодецкие забавы, позволявшие продемонстрировать такие качества, как сила, сноровка, смелость. Кулачные бои и единоборства стали популярной забавой горожан и любимым зрелищем уездных купцов. В. Кудрявцев в 1863 г. на страницах «Вятских губернских ведомостей» описал, как проходили кулачные бои в Елабуге. «Место для боя обыкновенно выбиралось где-нибудь

на мосту среди города, чтобы удобно было драться и побеждать противников, сваливши их под мост. Елабужане бились друг с другом: пришедшие со спасской стороны составляли партию спасских, а пришедшие от николаевской церкви становились и держали сторону николевских... Мещане-бойцы с нетерпением ожидали начала боя, купцы, как зрители и ценители боевых успехов, с приближением масляной оставляли свою торговлю и всего более интересовались вопросом: чья партия одержит верх — николевская или спасская? Чтобы споспешествовать успешному бою, они обыкновенно выставляли своим пиво и вино...» [16].

К началу XX столетия кулачные бои остаются скорее отголоском прошлого, нежели стержневым зрелищем народных гуляний. Более того, состязательность и спортивный дух этого народного развлечения уступают место жестокости и желанию доказать свое физическое превосходство, даже путем нанесения увечий противнику. Упоминание о подобном виде организации досуга в 1909 г. в Сарапуле мы находим на страницах газеты «Прикамская жизнь»: «Почти каждое воскресенье или праздничный день, по вечерам, выходят две партии, одна Старцевгородская другая Кладбищенская. И как та, так и другая вооружается палками, ножами, некоторые револьверами, т. о. получается уже не борьба, а серьезная драка» [17].

Распространенной забавой купечества были конские бега и катание на лошадях. На масленицу катания приобретали массовый характер, и купцы могли продемонстрировать роскошь своих экипажей и резвость лошадей. В Елабуге «в большом ходу лошадиный спорт... излюбленное катание производится по ночам и измеряется количеством загнанных лошадей» [5].

В начале XX в. в уездных городах для организации подобных развлечений стали строиться ипподромы. Отметим, что в купеческой среде зрелищность состязаний

всегда брала верх над спортивным азартом. Например, в 1909 г. в Сарапуле на ипподроме не состоялись заранее объявленные лыжные гонки из-за отсутствия желающих принять в них участие. Вместе с тем назначенные на тот же день состязания в «призовой садовой стрельбе» не только состоялись, но и вызвали неподдельный интерес публики. По условиям состязаний соревнующиеся должны были стрелять в голубей, выпускаемых из садков. Количество участников достигло 20 человек, на каждого из них выпускали четырех голубей. Выигрывал тот, кому удавалось подстрелить наибольшее количество птиц. «Звук медного рожка прорезывал воздух, голубь взвивался над ямой, где сидели "спортсмены", раздавалось глухое щелканье выстрела, и птица камнем падала на сверкающий снег. Платные и бесплатные зрители с возбужденными лицами, точно опьяненные кровью, следили за каждым выстрелом. Особенно было больно смотреть на детей. Облепившие забор ребяташки, начиная с 7 лет, громко смеялись, кричали и хлопали в ладоши» [29]. Непременными участниками и, как правило, призерами подобных состязаний были купцы. В указанных соревнованиях пальма первенства досталась купцу Ф. И. Устимову, подстрелившему трех голубей. Большой популярностью в Сарапуле пользовались и состязания по атлетической борьбе [12].

Говоря о купеческой среде, нельзя обойти вниманием вопрос о пьянстве, которое отягощало жизнь многих семей. Кутежи, разгул, дебоширство были свойственны купечеству. Ни религиозность, ни общественная деятельность не могли защитить большую часть уездного купечества от этого порока. На заседании городской управы г. Слободского сообщалось: «...большое распространение получила "бражка", которая находит весьма большой контингент потребителей. "Бражка" захватила и детей» [7, л. 186].

На страницах газеты «Камско-Волжский край» в 1897 г. корреспондент из Елабуги сообщал: «Елабужцы не живут, а прозябают, и обычную спутницу подобного существования — скуку прогоняют рюмочкою» [35].

В. Магницкий в 1883 г. на страницах «Календаря Вятской губернии» опубликовал собранные им поверья и обряды Уржумского уезда, некоторые из которых иллюстрировали пагубное пристрастие горожан к спиртному. При этом автор возлагал вину «за массовое пьянство» на владельцев и служащих питейных заведений. «Сидельцы питейных домов, для привлечения большего числа посетителей, угощают последних напитком под названием "кумышка", приготовленным следующим способом. В опорожнившуюся из-под вина бочку выливают ведро или два воды и шкалик или косушку вина; смесь эту держат в бочке неделю или две, каждый день взбалтывая ее перекачиванием бочки; затем смесью угощают посетителей. По рассказам, кумyshка — приятная и в незначительной дозе действует крайне опьяняюще» [14, с. 99].

Котельнический уездный врач А. Себряков, выступая перед обществом врачей, в 1898 г. сообщал: «Нитью, связующей горожан между собою, была водка. Водку пили все сословия во всякое время дня и ночи...В городе богачи пили сами, пили и угощали своих клиентов, агентов и адептов; среднего достатка человек пил с товарищами "из безделья", чтобы лучше уснуть потом» [25, с. 1].

На купца не только ложился штамп «любителя спиртного», его зачастую считали главным виновником распространения пьянства среди населения. Так как именно купцы были владельцами винокуренных заводов и многочисленных винных лавок, ренсковых погребов и трактиров.

В качестве примера рассмотрим дело о жалобе поверенного из среды крестьян Осипа Евгеньевича Гоголева на купца Ста-

хеева. Суть жалобы была изложена Гоголевым в прошении на имя Вятского губернатора. Вызывает удивление пафосный стиль жалобщика, благодаря которому прошение из официальной, делопроизводственной бумаги превращается в обличительный памфлет против купечества. Столкнулись «две равные в стремлении силы: с одной стороны, монополист и многомиллионный капиталист Елабужской 1-й гильдии купец И. Г. Стахеев, с другой — власть местной администрации от правительства...» [8, л. 1]. Изначально автор прошения противопоставляет купца официальным властям. В дальнейшем Гоголев, не скупясь на отрицательные эпитеты, продолжает: «Неужели живой человек может молчать безропотно, дозволить себе запускать змею за пазуху? А такой дракон, как Стахеев, высосет все жизненные соки. Недаром в елабужском уезде ходят легионы нищих потому, что миллионер Стахеев, начиная от мануфактурной торговли до продажи калачей, отнял всякую возможность к пропитанию уездов. Его мельничные заводы, пароходовладения, его повсеместно распространенная винная торговля с многочисленными подставными личностями убивают всю народную жизнь» [8, л. 2]. Возникает вполне закономерный вопрос: почему экономическое процветание края, а ведь именно об этом ведет речь крестьянский поверенный, говоря о заводах и пароходствах, о развитии торговли, вызывает ухудшение положения народа? Словосочетанием «подставные личности» назван огромной штат стахеевских приказчиков, которым Стахеев не только предоставлял рабочие места, но и достойное вознаграждение за свой труд.

Что касается нищих, то это была проблема Российской империи в целом, а не конкретного уезда. Более того, именно в Елабуге вопросам оказания социальной помощи населению уделялось большое внимание. На средства того же И. Г. Стахеева в 1884 г. был построен дом призре-

ния для лиц, просящих милостыню, а его дядя Иван Иванович основал благотворительный комитет, средства со счетов которого ежегодно выделялись на поддержание неимущего населения. При участии Стахеевых содержались 29 бесплатных народных столовых. В неурожайные годы организовывались десятки специальных пунктов, в которых пшено и мука выдавались на руки нуждающимся [19, с. 107–108].

Вернемся к сути инцидента, вызвавшего недовольство крестьян. В 1883 г. Иван Григорьевич Стахеев с разрешения сельского общества построил в деревне Ижевское Устье дом «для питейной продажи». При этом Стахеев обязался выплачивать за предоставленную под строительство землю 250 рублей в год. Еще одним условием выдела земли под строительство было то, что питейная торговля в этом доме должна осуществляться не более полутора лет, по истечении указанного срока «тот дом, со всеми к нему строительными приспособлениями будет передан нашему (крестьянскому. — *Прим. автора*) обществу безвозмездно» [8, л. 1]. Жители деревни планировали разместить в этом добротном строении приходское училище. То есть когда крестьяне давали согласие на строительство питейного заведения, они в первую очередь думали о выгодах, которые принесет эта сделка их селению. Но итогом соглашения с купцом, по мнению селян, стало распространение пьянства. «Кабак и табак испортили нравственность нашей молодежи, ее боязнь старших членов семьи побудила укрываться по задворицам и сеновалам, где курение табаку произвело пожар, истребивший зараз 39 домов» [8, л. 1 об.]. Косвенную вину за происшедшее крестьяне возложили на купца-винооторговца. Более того, крестьяне подчеркивали, что деятельность предпринимателя нанесла прямой ущерб государству: «Конечно, виновных следствием не обнаружено, но упадок хозяйственный

сделался причиной неоплатности казенных податей, и накопилась большая недоимка» [8. Л. 1 об].

И. Г. Стахеев действительно нарушил часть ранее оговоренных условий. В частности, продажа алкогольных напитков продолжалась и после оговоренного срока, но теперь кабак разместился в доме местного жителя М. А. Белоусова. Возмущение общественности вызвал и факт поддержки местными властями, в частности становым приставом, действий Стахеева. Не найдя поддержки в среде местных властей, крестьяне подали жалобу на имя министра внутренних дел. Но исход дела был решен в пользу купца: «Виноторговлю купца Стахеева в означенной местности, разрешенную Елабужским по питейным делам присутствием, признать правильною» [8, л. 21]. Объяснялось такое решение тем, что, согласно законодательству, открытие винных лавок разрешалось с таким расчетом, чтобы на каждые 500 душ населения приходилось не более одной винной лавки [31].

Тем не менее представление о купце как о гуляке и пьянице было бы неверным. Купцы, чрезмерно увлекавшиеся спиртным, быстро разорялись и выбывали из сословия. В источниках нередко указывается, что наиболее именитые и богатые гильдейцы ведут размеренный образ жизни.

Отметим, что купечество осознавало пагубность пристрастия к спиртным напиткам, поэтому с готовностью откликалось на общественные мероприятия, направленные на искоренения подобных явлений.

В начале XX в. в уездных городах стали появляться общества трезвости. Общества устраивали летние клубы, инициировали проведение «безалкогольных» народных гуляний. В отчете о проведении одного из таких мероприятий в Александровском саду г. Елабуги в 1901 г. сообщалось, что праздник организован на благотворительные пожертвования. Предварительно по городу были развешены

афиши с программой предстоящего мероприятия, и с указанием места и времени его проведения. Во время проведения гуляний были устроены соревнования и конкурсы с призами, играл городской оркестр, гостям предлагался исключительно чай с сахаром [15].

Учитывая ранний возраст лиц, подверженных пагубной привычке, общества трезвости стали организовываться даже в школах. Сарапульское общество трезвости в 1915 г. выступило с инициативой создания детского народного сада, где были созданы условия не только для общения и отдыха детей, но и проводились занятия по труду для мальчиков и рукоделью для девочек [23].

В большинстве уездных городов Вятской губернии существовали купеческие собрания или клубы, в которых проводились танцевальные вечера, театральные представления, празднования знаменательных событий и дат. На вечера в купеческий клуб съезжались и купцы из прилежащих к городу селений. Например, нолинские купцы Коробковы имели имение с мельницей за городом, но «в длинные зимние вечера запрягали Коробковы выездную лошадь и ехали коротать время в купеческом клубе или в гостиной одного из друзей» [33].

В течение 50 лет, с 60-х гг. XIX в. существовал клуб «Общественное собрание» в Сарапуле. Клуб имел собственный большой оркестр, благодаря которому музыкальные и танцевальные вечера привлекали купцов и членов их семей [30].

Колоритный образ одного из вечеров в общественном собрании в г. Слободском рисует неизвестный корреспондент «Вятской незабудки». «Вот они сошлись в клуб на танцевальный вечер или маскарад; сначала все идет довольно чинно, хотя и вяло и безжизненно, ...но благодаря частым посещениям буфета, мужчины начинают понемногу оживляться и лезут в ссору с кем-нибудь, сводят старые счета...

Смотришь — купец Пакшин уже честит городского врача "жидом" и "подлецом"... Крики и шум, пьяный говор, в буфете положительно давка и впереди всех 18-летний купчик, угощающий шампанским единственного представителя здесь военного сословия» [24, с. 73–74]. Как видим, корреспондент с сарказмом описывает развлечения в купеческой среде, стараясь подчеркнуть негативные стороны. Такое отношение к купечеству было общероссийской тенденцией. Купцов, в отличие от родовитых дворян, согласно сложившимся в обществе установкам считали выскочками, нажившими капитал на коммерческих операциях. Их стремление приобщиться к дворянскому образу жизни высмеивалось. Не будем отрицать, что купеческий менталитет действительно был далек от дворянского, но это отнюдь не принижает достоинства этого сословия, а лишь подчеркивает его самобытность и специфичность. Кроме того, далеко не каждый дворянин российского общества XIX столетия являл собой достойный пример для подражания.

Среди уездного купечества были любители музыки и театрального искусства. В 70-е гг. XIX в. в Слободском, в доме известного купца, городского головы Платунова проводились музыкальные вечера [24, с. 74]. В Елабуге действовал любительский общественный театр, в котором играли купцы и мещане города. Заметим, что большая часть средств, собранных от театральных постановок, шла на благотворительные нужды.

В Уржуме любимым местом развлечения был квартал на Воскресенской улице, расположенный ближе к мосту через Уржумку. Именно здесь располагался пляж, на котором был организован прокат лодок. Город имел собственный театр, в котором играла любительская труппа. Вниманию зрителей предлагали четыре спектакля в год. Особой популярностью пользовались комедии и водевили. Например, в 1866 г. в

театре шли три водевиля: «Мотя», «Провинциальный братец», «Утка в стакане воды». Два-три раза в год устраивались общественные балы, средства для проведения которых собирались по подписке [11]. В числе постоянно действующих развлекательных учреждений был городской клуб, где можно было поиграть в бильярд, карты, преферанс и т. п. «Иногда в клубе играл оркестр мальчиков, организованный в 1904 г. Виктором Медведевым, внуком купца И. В. Бердинского. Б. П. Стасский играл в этом оркестре на мандолине и рассказывал, что однажды кому-то из гостей так понравилась игра оркестра, что он заказал в буфете мясные пирожки для оркестрантов...» [26, с. 15].

В целом общественная жизнь уездного купечества проходила весьма однообразно и монотонно. Доказательством служат многочисленные цитаты из статей местных периодических изданий того времени. Например, сообщение 1895 г. из Слобоского: «Вяло и безжизненно идет у нас общественная жизнь. Каждый из нас, да, вероятно, и в других уездных городах, живет по своему, и для личного удовольствия. Сегодня — в клуб, завтра — у кого-нибудь на именинах и так для нас изо дня в день идет... общественная жизнь» [32]. Та же картина в статье нолинского корреспондента: «Уныло и тихо переживает недавнюю славу Вятский Монако. Нолинский клуб одичал и замолк... До масленицы обыватели развлекались свадьбами, теперь наслаждаются именинами. Сойдутся, поговорят, выпьют, для разнообразия поругаются, глядишь, вечер-то прошел» [27]. Подводя итог сказанному, сарапульский корреспондент замечает: «Промелькнули Святки — завтра серые будни» [20].

В начале XX в. вопрос об организации досуга горожан стал предметом оживленных дискуссий в местной прессе. По инициативе редакции сарапульской газеты «Кама» перед читателями было поставлено несколько вопросов о том, необходимо ли

организовывать развлечения для горожан и какие из них предпочтительнее. Ответы читателей были различны, но все они объединялись общей мыслью, что для поднятия народной нравственности местным властям необходимо уделять больше внимания организации досуга горожан. Епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий считал, что «наиболее желательным развлечением могли быть народные чтения, со световыми картинками и пением церковно-религиозных и патриотических песнопений» [12].

Вопрос об организации досуга горожан нередко поднимался на заседаниях органов

городского самоуправления. В 1915 г. на заседании слободской городской управы было принято решение о создании Народного дома, основной целью деятельности которого было «предоставить населению возможность посвящать свой досуг разумному развлечению» [9, л. 187].

Альянс народных традиций и светских забав по европейскому образцу ярко проявился в развлекательной культуре уездного купечества. В отличие от столичных, провинциальные купцы не старались подражать дворянам, сохраняя связь с социокультурной средой средних слоев горожан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973; Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
2. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII — XIX в.: Очерки социальной, отраслевой бытовой и ментальной истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007.
3. Вятский край. 1897, 29 апреля.
4. Вятский край. 1897, 30 января.
5. Вятский край. 1898, 1 января.
6. Вятский край. 1898, 13 января.
7. ГАКО (Государственный Архив Кировской области). Ф. 862. Оп. 1. Д. 2833.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 95. Д. 117.
9. ГАКО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 2834.
10. Гуревич А. Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. М., 1993.
11. Из Уржума // Вятские губернские ведомости. 1866, 25 февраля.
12. К организации народных разумных развлечений // Кама. 1915, 27 февраля.
13. Календарь Вятской губернии 1880 г. / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1880.
14. Календарь Вятской губернии на 1884 г. високосный. Вятка: Издание Губернского статистического комитета, 1883.
15. Камский листок объявлений. 1901, 9 сентября.
16. Кудрявцев В. Кулачные бои в Елабуге // Вятские губернские ведомости. 1863, 2 февраля.
17. Кулачные бой // Прикамская жизнь. 1909, 13 сентября.
18. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии вторая половина XIX — начало XX веков. Ижевск, 2001.
19. Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 107–108.
20. Наброски // Кама. 1915, 6 января.
21. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 351. Оп. 2. Д. 1.
22. НАРТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 980.
23. О детском народном саде в Сарапуле // Кама. 1915, 4 сентября.
24. Общий очерк Слободского за 1876 г. // Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии 1877 г. СПб., 1877.
25. Очерк пьянства в быту горожан // Протоколы заседаний общества врачей г. Вятки за 1898 г. Вятка: Скоропечатня, типолиитография К. Я. Сычева, 1899.
26. Пентина Н. Уржум на старых открытках: Южная часть главной улицы // Уржумская старина: Краеведческий альманах. Вып. 4. 1991.
27. Письмо из Нолинска // Вятский край. 1898. 26 марта.

28. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 799. Оп. 4. Д. 761. Л. 3–4
29. Садочная стрельба // Прикамская жизнь. 1909, 17 марта.
30. Сарапульское общественное собрание// Прикамская жизнь. 1910, 6 февраля.
31. СЗРИ. Т. 5. Уставы об акцизных сборах. Кн. 2. Ст. 665.
32. Слободской // Вятский край. 1895, 24 октября.
33. Соловьева Р. Усадьба Ивана Коробкова //Сельская новь. Нолинск. 1993. 11 ноября.
34. Стахеев Д. И. Уездный город // Духа не угашайте. Казань, 1992.
35. Что для нашего общества нужно? // Камско-Волжский край. 1897, 31 января.

REFERENCES

1. Blok M. Apologija istorii, ili Remeslo istorika. M., 1973; Fevr L. Boi za istoriju. M., 1991.
2. Bojko V. P. Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII — XIX v.: Oчерki social'noj, otraslevoj bytovoj i mental'noj istorii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007.
3. Vjatskij kraj. 1897, 29 aprelja.
4. Vjatskij kraj. 1897, 30 janvarja.
5. Vjatskij kraj. 1898, 1 janvarja.
6. Vjatskij kraj. 1898, 13 janvarja.
7. GAKO (Gosudarstvennyj Arhiv Kirovskoj oblasti). F. 862. Op. 1. D. 2833.
8. GAKO. F. 582. Op. 95. D. 117.
9. GAKO. F. 862. Op. 1. D. 2834.
10. Gurevich A. Ja. Ot istorii mental'nosti k istoricheskomu sintezu // Spory o glavnom. M., 1993.
11. Iz Urzhuma// Vjatskie gubernskie vedomosti. 1866, 25 fevralja.
12. K organizacii narodnyh razumnyh razvlechenij// Kama. 1915, 27 fevralja.
13. Kalendar' Vjatskoj gubernii 1880 g. /Sost. N. Spasskij. Vjatka, 1880.
14. Kalendar' Vjatskoj gubernii na 1884 g. Visokosnyj. Vjatka: Izdanie Gubernskogo Statisticheskogo komiteta, 1883.
15. Kamskij listok ob#javlenij. 1901. 9 sentjabrja.
16. Kudrjavcev V. Kulachnye boi v Elabuge// Vjatskie gubernskie vedomosti. 1863, 2 fevralja.
17. Kulachnye boj // Prikamskaja zhizn'. 1909, 13 sentjabrja.
18. Ligenko N. P. Kupechestvo Udmurtii vtoraja polovina XIX — nachalo XX vekov. Izhevsk, 2001.
19. Maslova I. V. Kupecheskaja dinastija Staheevyh. Elabuga, 2007.
20. Nabroski // Kama. 1915. 6 janvarja.
21. NART (Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan). F. 351. Op. 2. D. 1.
22. NART. F. 346. Op. 1. D. 980.
23. O detskom narodnom sade v Sarapule // Kama. 1915, 4 sentjabrja.
24. Obshchij oчерk Slobodskogo za 1876 g. // Vjatskaja nezabudka. Pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii 1877 g. SPb, 1877.
25. Oчерk p'janstva v bytu gorozhan// Protokoly zasedanij obshchestva vrachej g. Vjatki za 1898 g. Vjatka: Skoropechatnja, tipolitografija K. Ja. Sycheva, 1899.
26. Pentina N. Urzhum na staryh otkrytkah: JUzhnaja chast' glavnoj ulicy// Urzhumskaja starina: Kraevedcheskij al'manah. Vyp. 4. 1991.
27. Pis'mo iz Nolinska // Vjatskij kraj. 1898. 26 marta.
28. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv). F. 799. Op. 4. D. 761. L. 3–4
29. Sadochnaja strel'ba // Prikamskaja zhizn'. 1909. 17 marta.
30. Sarapul'skoe obshchestvennoe sobranie// Prikamskaja zhizn'. 1910. 6 fevralja.
31. SZRI. Т. 5. Ustavy ob akciznyh sborah. Кн. 2. Ст. 665.
32. Slobodskoj // Vjatskij kraj. 1895. 24 oktjabrja.
33. Solov'eva R. Usad'ba Ivana Korobkova//Sel'skaja nov'. Nolinsk, 1993. 11 nojabrja.
34. Staheev D. I. Uezdnyj gorod // Duha ne ugashajte. Kazan', 1992.
35. Chto dlja nashego obvestva nuzhno?// Kamsko-Volzhsckij kraj. 1897. 31 janvarja.